

А.А. Исаева

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Излагается подход к пониманию пределов свободы совести. Рассмотрена практика Европейского суда по правам человека и выделены методы определения им таких пределов. Анализу подвергнуты решения Конституционного суда РФ с точки зрения последовательности использования принципа пропорциональности при формулировании его решений. Делается вывод о том, что в России не уделяется существенного внимания выявлению пределов свободы совести, что должно стать объектом реформирования.

Ключевые слова: пределы прав и свобод; свобода совести; свобода вероисповедания; Европейский суд по правам человека; Конституционный суд Российской Федерации.

Свобода совести обладает высоким конституционно-правовым значением, обеспечивая свободу морально-этических воззрений. Она является фундаментальным элементом в иерархии первого поколения прав человека.

В то же время свобода совести дискретна и имеет свою структуру. Ее внешние границы или имманентные пределы объединяют ряд правомочий в сфере выбора системы убеждений для оценки своих деяний, мыслей, явленной действительности и т.п., детерминирующих поступки и деятельность личности. Эти правомочия могут быть прямо перечислены в тексте конституции страны (Беларусь, Венгрия, Индия, Испания, Италия, Македония, Мексика, Нигерия, Пакистан, Польша, Судан, Черногория и т.д.) или раскрываться в отраслевом законодательстве (Алжир, Ливан, Молдова и т.д.). В Российской Федерации часть таких правомочий прямо перечислена в статье 28 Конституции 1993 г. Это, например, право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию; право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения; право действовать в соответствии со своими убеждениями. Объем свободы совести, или совокупность всех правомочий в выше обозначенной сфере, не бесконечен и очерчен имманентными пределами.

Природа предела свободы совести носит онтологический характер. Само существование свободы совести предполагает наличие определенных пределов, вне зависимости от наличия или отсутствия их конституционного закрепления, в связи с сопряженностью с правовыми возможностями других лиц. Ее закрепление уже предполагает установление некоторых рамок реализации заинтересованным субъектом такой свободы. Эти естественные границы и являются пределами свободы совести, которые представляют собой не ее ограничения, а нормативное содержание и круг правомочий, предопределенный общей целью, тем что можно охарактеризовать как «ядро» свободы совести.

«Ядро» свободы совести – это неприкосновенная часть, в которую недопустимо какое бы то ни было вторжение извне, так как это ведет к размыванию самой сущности свободы совести. Конституционный суд РФ неоднократно в своих решениях подчеркивал,

что ни законодатель, ни правоприменитель, включая суд, не должны посягать на само существование данной свободы [1. С. 7324; 2. С. 6363].

В то же время предел свободы совести объединяет не просто совокупность объединенных «ядром» правомочий. Ее объем в рамках внешних границ гетерогенен и имеет сложную топологию, делимую на части, что определяет внутреннюю структуру свободы совести. Одна из ее частей объединяет в себе правомочия, подвергаемые ограничениям того или иного генезиса. Другая – сфера свободы лица, то есть те возможные проявления личности, которые остаются за исключением ее правовых ограничений. Эта свобода имеет нормативное закрепление, что обеспечивает ее защиту.

Внутренняя структура свободы совести является ее необходимым атрибутом, так как фреймирует (обрамление, упорядочение в удерживаемых жестких рамках) ее ограничения и позволяет обеспечить неприкосновенность самого существа реализуемой свободы.

Границы ограничений свободы совести должны детерминироваться необходимостью, а она может быть различной в конкретных исторических, политических, культурных условиях и т.д. Для установления соответствующей структуры может использоваться толкование самого права – истории его появления, целей и формулы закрепления, места в системе других прав, существующих общественно-политических фактов и т.д. Поэтому в каждой конкретной стране конфигурация составляющих свободы совести будет разной, с необходимостью выдерживать баланс интересов государства, общества, личности и религиозных объединений.

Ограничения свободы совести можно рассматривать как количественное или качественное сужение правомочий данной свободы в ходе ее реализации. В то же время оно не является ее изъятием как таковым. В праксиологическом аспекте ограничения свободы совести представляют собой закрепление эксплицированных пределов рассматриваемой свободы.

Предел свободы совести – это те правомочия, которые охватываются основным правом, а ограничения представляются в виде умаления круга этих правомочий нормами отраслевого законодательства. Исходя

из этого, если какая-то возможность изначально не охватывается свободой совести, то исключаящая ее норма не может рассматриваться как ограничение, что делает в итоге недопустимым требование о ее проверке на допустимость.

Уже на первом этапе анализа допустимости ограничений прав правоприменитель определяет, будет ли конкретная возможность охватываться пределом свободы совести и свободы вероисповедания. И если она подпадает под защиту, то можно использовать тот или иной механизм, например принцип пропорциональности или метод взвешивания интересов, и решать вопрос о допустимости ограничений. Поэтому определение пределов свободы совести приобретает важное практическое значение и должно находить отражение в решениях правоприменительных органов.

Мировой практике известны различные механизмы определения того, были ли права и свободы правомерно ограничены или нарушены в результате ненадлежащего воздействия. За последние пятьдесят лет широкое распространение получил принцип пропорциональности. Сегодня это всеобъемлющий принцип конституционного судопроизводства, предпочтительная процедура разрешения споров, связанных с предполагаемым конфликтом между двумя претензиями в отношении одного права или между предоставлением прав и законным государственным или общественным интересом.

Принцип пропорциональности возник в Германии и распространился по всей Европе, в том числе в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы. Он стал востребованным и в Британском Содружестве – Великобритании, Канаде, Южной Африке, Новой Зеландии и в настоящее время вторгается в Центральную и Южную Америку. К концу 1990-х гг. практически все эффективные системы конституционного правосудия в мире, за исключением Соединенных Штатов, восприняли основные элементы принципа пропорциональности. Хотя ученые отмечают сближение немецкой концепции пропорциональности и американской концепции взвешивания аргументов [3. С. 74]. Более того, принцип пропорциональности стал востребованным и на наднациональном уровне в рамках Европейского союза, Совета Европы и Всемирной торговой организации.

Отмечается, что принцип пропорциональности имеет двухэтапную структуру. На первом этапе необходимо установить, что действиями правительства оказалось ограничено какое-либо право, в частности свобода совести и свобода вероисповедания. А второй включает в себя три элемента: во-первых, средство, предназначенное для достижения цели правительства, должно подходить для достижения этой цели (уместность); во-вторых, из всех подходящих должно быть выбрано то средство, которое в наименьшей степени ограничивает право частного лица (необходимость); в-третьих, ущерб частному лицу от ограничения его права должен быть пропорционален выгоде правительства в отношении достижения поставленной цели (пропорциональность в узком смысле) [4; 5. Р. 174–207]. Кроме того, некоторые авторы достаточно часто в качестве самостоятельного элемента или предпо-

сылки анализа пропорциональности рассматривают категорию «легитимной цели», которая активно применяется в практике Европейского суда по правам человека [6. С. 11–31; 7. Р. 8–10.].

Таким образом, исходя из структуры принципа пропорциональности, вопрос о пределах права или свободы ставится уже на первом этапе его применения. Именно здесь определяется, будет ли конкретное правомочие защищаться конституционно закрепленной свободой совести и свободой вероисповедания или нет. И, если она подпадает под защиту, то можно переходить на второй этап и решать вопрос о допустимости ограничений.

Если обратиться к практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд), то его выводы о том, подверглось ли нарушению то или иное право, излагаются как раз в части предшествующей разделу «Предусмотрено законом» (англ. «*Prescribed by law*»), до анализа Европейским судом легитимности цели и пропорциональности вводимых ограничений. То есть текст решения отражает этапы принципа пропорциональности.

Исходя из анализа дел, в которых оспаривались действия правительства, предположительно нарушающие свободу совести, можно выделить три подхода в определении того, было ли в принципе нарушено конкретное право, т.е. три подхода к определению предела свободы совести.

Во-первых, Европейский суд может сослаться на то, что то или иное действие было религиозно мотивированно или вдохновлено религией или верой. Акты, которые ограничивают по месту и способу реализации соответствующие правомочия, являются вмешательством в право заявителя исповедовать свою религию. А именно, если реализация человеком того или иного правомочия, совершение им того или иного действия (бездействия) религиозно мотивированно, то оно подпадает по сферу защиты статьи 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. («Свобода мысли, совести и религии») (далее – Конвенция). Часто такая мотивировка использовалась при рассмотрении дел, связанных с ношением религиозной одежды в общественных местах [8, 9, 10].

Во-вторых, в ряде случаев Европейский суд идет по пути раскрытия правомочий, которые охватываются свободой совести, и если в деле одно из них подвергается нарушениям со стороны правительства, то констатируется вмешательство в свободу совести. В этой связи важным оказывается вопрос о перечне правомочий и их интерпретации ЕСПЧ. Как правило, Европейский суд опирается на те правомочия, которые перечислены в части 1 статьи 9 Конвенции, и довольно расширительно их толкует, ведь в некоторых странах, присоединившихся к Конвенции, конституционно гарантирована только свобода вероисповедания (религии), но не свобода совести. В этом случае суду приходится идти на компромиссы. Например, в деле «*Бускарини и другие против Сан-Марино*» [11] ЕСПЧ в начале напомнил, какие правомочия включает свобода религии, *inter alia*, а именно свободу исповедовать любую религию или не исповедовать ника-

кой. А затем, исходя из фактических обстоятельств дела, определил, что в настоящем деле принуждение заявителей Бускарини и Делла Бальда к принятию присяги на Евангелии, безусловно, являлось ограничением в соответствии с пунктом 2 статьи 9 Конвенции, так как их принуждали поклясться в верности определенной религии под страхом лишения парламентских кресел.

Такого же принципа придерживается ЕСПЧ в делах, когда заявители обращались за защитой коллективных прав. В этом случае Европейский суд не просто обращался к тем или иным правомочиям свободы совести, но шел дальше и учитывал последствия оспариваемой правительственной меры для осуществления свободы религии заявителя [12]. Как правило, таким прогнозируемым последствием являлась вообще невозможность коллективного исповедания религии. Например, в деле *«Кимля и другие против России»* Европейский суд отметил, что следствием отказа в регистрации в качестве «религиозной организации» была невозможность регистрации в качестве юридического лица Церкви саентологии Сургута. «В то же время, устоявшаяся прецедентная практика Европейского суда заключается в том, что возможность учреждения юридического лица для совместной деятельности в сфере взаимного интереса представляет собой один из важнейших аспектов свободы объединения, без которого это право лишено всякого значения. Европейский суд ранее признавал, что отказ властей в регистрации группы прямо затрагивает саму группу и ее председателей, учредителей или индивидуальных членов ... В вопросе об организации религиозной общины отказ в ее признании в качестве юридического лица также рассматривался как вмешательство в право на свободу религии с точки зрения статьи 9 Конвенции, осуществляемое самой общиной и ее отдельными членами». Более того, Европейский суд отметил, что в России религиозное объединение не могло получить статуса юридического лица в иной организационно-правовой форме, поэтому было ограничено в ряде прав (право на владение или аренду имущества, использование банковских счетов, наем работников и пользование судебной защитой общины, ее членов и активов), однако они имеют существенное значение для осуществления права исповедовать религию.

На перспективы и варианты возможного поведения Европейский суд указывал и в деле *«С.А.С. и другие против Франции»*, где прямо пишет о том, что заявитель встает перед дилеммой: либо она будет соблюдать запрет и таким образом воздерживаться от одежды, которая соответствует ее религиозным воззрениям, или она отказывается подчиниться закону и будет подвержена уголовному наказанию [13]. Таким образом, в свете статьи 9 и статьи 8 Конвенции она находится в ситуации, которую Европейский суд называет «постоянным вмешательством» в осуществление прав.

В-третьих, в ряде случаев Европейский суд лишь соглашается с заявителем или правительством в том, что нарушение свободы совести имело место [14, 15]. Например, в деле *«Лариссис и другие против Греции»*

в решении закреплено, что «Суд считает, и, по сути, его не оспаривали те, кто выступал перед ним, что судебное преследование, осуждение и наказание заявителей за преступления, связанные с прозелитизмом, равносильно вмешательству в осуществление их прав на “свободу... манифестировать [их]” [16]. Соответственно в подобных случаях лишь презюмируется, что предположительно нарушенная возможность лица охватывается свободой совести.

В России характер вмешательства в реализацию свободы совести оценивается, прежде всего, Конституционным судом РФ. Всего по вопросу о соответствии Конституции 1993 г. Федерального закона РФ от 26.10.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» суд принял 18 решений. Подавляющее большинство из них вынесено в форме определений о признании жалоб не подлежащими дальнейшему рассмотрению. Помимо этого, к положениям статей 14 и 28 Конституции РФ, а также отраслевого законодательства в сфере реализации свободы совести и свободы вероисповедания суд также обращался в связи жалобами на нарушение отдельных прав, например свободы объединений и принципа равноправия в ее реализации [17].

Исходя из анализа решений Конституционного суда РФ, можно заключить, что этот орган не уделяет должного внимания определению пределов свободы совести. Как самостоятельный этап в мотивировочной части постановлений и определений он не прослеживается, в отличие от решений ЕСПЧ. Лишь в редких случаях, например в Постановлении Конституционного суда РФ от 23.11.1999 № 16-П [2], можно увидеть попытку определения – охватываются ли объемом свободы совести те правомочия, на нарушение которых жалуются заявители. Так, в данном случае были рассмотрены жалобы Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Провославия». Было установлено, что предметом обоих жалоб послужило требование статьи 27 Федерального закона РФ от 26.10.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», которой ранее было предусмотрено, что религиозные организации, не имеющие документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории на протяжении не менее 15 лет, пользуются правами юридического лица при условии их ежегодной перерегистрации до наступления указанного пятнадцатилетнего срока и в данный период не пользуются правами, предусмотренными в отношении других религиозных организаций. То есть заявители обжаловали тот факт, что им, как уже имеющим статус юридического лица организациям, который они приобрели согласно положениям ранее действовавшего Закона РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий», в связи с принятием нового Федерального закона РФ от 26.10.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», не имея документов, подтверждающих существование на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет, до наступления указанного срока необходимо было ежегодно перерегистрироваться, и в

этот период они не вправе осуществлять деятельность как прочие религиозные организации. В рассматриваемом деле Конституционным судом РФ использовался второй из выявленных приемов. Судебный орган раскрыл правомочия, которые охватываются свободой вероисповедания, применительно к данному делу, а именно определил, что она предполагает свободу создания религиозных объединений и свободу их деятельности на основе принципа юридического равенства. При этом обратил внимание на то, что законодатель вправе урегулировать гражданско-правовое положение религиозных объединений, в том числе условия признания религиозного объединения в качестве юридического лица, порядок его учреждения, создания, государственной регистрации, определить содержание правоспособности религиозных объединений. Далее Конституционный суд РФ дал толкование оспариваемых положений Федерального закона РФ от 26.10.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и, разделив все религиозные организации на две группы: зарегистрированные до и после вступления в силу закона 1997 г., определил, что права заявителей не нарушались, так как требования нового акта не могут применяться в отношении религиозных объединений, которые уже прошли государственную регистрацию в соответствии с прежними требованиями закона.

Представляется, что в современных условиях высоких стандартов в отношении судебных решений нужно последовательно улучшать качество актов, выносимых российскими судами. Принцип пропорциональности широко используется Конституционным судом РФ. Однако наш орган конституционного нормоконтроля, в отличие от ЕСПЧ, последовательно не придерживается двухэтапной структуры, включающей в втором из них три элемента, а при обосновании своих позиций, как правило, использует стандартные аргументы общего характера, в частности о необходимости достижения соразмерности, справедливости, адекватности, т.е. баланса конституционно защищаемых ценностей. На необходимость соблюдения методики осуществления проверки на пропорциональность обращал свое внимание судья Конституционного суда РФ Г.А. Гаджиев в особом мнении к Постановлению от 15.02.2016 № 3-П [18. С. 1167]. Поэтому принцип пропорциональности в практике Конституционного суда РФ, как правильно отмечает А. Троицкая, «остается практически не раскрытым, несмотря на то, что во многих решениях он был задействован» [19. С. 58]. Рассматриваемая методика, начиная с выявления пределов свободы совести и свободы вероисповедания, должна проводиться целостно и находить отражение в решениях суда, чтобы обеспечить высокий уровень защиты прав и свобод.

ЛИТЕРАТУРА

1. По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: Постановление Конституционного суда РФ от 05.12.2012 № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51.
2. По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления»: постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 51.
3. Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82).
4. Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2002.
5. Rivers J. Proportionality and Variable Intensity of Review // Cambridge Law Journal. 2006. Vol. 65, № 1.
6. Должиков А.В. «Гордость и предубеждение»: соразмерность полного конституционного запрета заключенным голосовать в России. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года // Международное правосудие. 2013. № 4.
7. Matthias Klatt M., Meister M. The Structure of the Proportionality Test. Oxford : Oxford University Press, 2012.
8. European Court of Human Rights. Judgment of 10 November 2005. Leyla Şahin v. Turkey, Application no. 44774/98. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956> (дата обращения: 01.09.2019).
9. European Court of Human Rights. Judgment of 10 January 2017. Osmanoglu and Kocabaş v. Switzerland, Application no. 29086/12. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170436> (дата обращения: 01.09.2019).
10. European Court of Human Rights. Judgment of 4 December 2008. Dogru v. France, Application no. 27058/05. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90039> (дата обращения: 01.09.2019).
11. European Convention on Human Rights. Judgment of 18 February 1999. Buscarini and Others v. San Marino, Application no. 24645/94. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58915> (дата обращения: 01.09.2019).
12. Cour Européenne Des Droits De Affaire Genov c. Bulgarie, Requête no 40524/08. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-172133> (дата обращения: 01.09.2019).
13. European Court of Human Rights. Judgment of 1 July 2014. S.A.S. v. France, Application no. 43835/11. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145466> (дата обращения: 01.09.2019).
14. European Court of Human Rights. Judgment of 30 March 1989. Chappell v. United Kingdom, Application no. 10461/83. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57459> (дата обращения: 01.09.2019).
15. European Convention on Human Rights. Judgment of 5 December 2017. Hamidović v. Bosnia and Herzegovina, Application no. 57792/15. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179219> (дата обращения: 01.09.2019).
16. European Convention on Human Rights. Judgment of 24 February 1998. Larissis and Others v. Greece, Application no. 23372/94. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58139> (дата обращения: 01.09.2019).
17. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина»: постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 51.

18. По делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Е.В. Потоцкого»: постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2016 № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 8.
19. Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (105).

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 сентября 2019 г.

The Limits of Freedom of Conscience in the Practice of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 226–231.

DOI: 10.17223/15617793/448/28

Anastasia A. Isaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

Keywords: limits of rights and freedoms; freedom of conscience; freedom of religion; European Court of Human Rights; Constitutional Court of the Russian Federation.

In this study, the author addresses the issue of mechanisms for determining the limits of freedom of conscience and freedom of religion in decisions of the judiciary. The article focuses on the essential characteristic of the limits of freedom of conscience, their relationship with related concepts (restrictions, interventions) and their significance in the application of the proportionality test by the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation. The aim of this article is to identify the main approaches to determining the limits of freedom of conscience and freedom of religion and the possibility of their use in the practice of the judicial authorities of Russia. The study is based on the theoretical material of the works of domestic (A. Troitskaya, A. Dolzhikova, and others) and foreign (R. Alexy, M. Cohen-Eliya, I. Porat, J. Rivers, and others) researchers. The legislation of the Russian Federation, the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and of the European Court of Human Rights were also used. The methodological basis of the study was dialectic, comparative legal and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of law enforcement problems at different stages of the development of legislation on religious associations in Russia. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify approaches to determining the limits of freedom of conscience and freedom of religion, the prospects for their use in Russia. As a result, the author comes to the conclusion that freedom of conscience is discrete and has its own structure. Its external borders unite a number of competencies in the field of choosing a belief system for evaluating one's actions, thoughts, phenomena of reality, etc., which determine the actions and activities of an individual. The powers constituting the scope of freedom of conscience could be subject to restrictions. The admissibility of their legislative introduction is checked by the judicial authorities using various methods: the principle of weighing interests, the proportionality test. In the framework of the activities of the European Court of Human Rights, the proportionality test is consistently used, which is reflected in the structure of decisions of this body. It is established that the Constitutional Court of the Russian Federation uses certain elements of the proportionality test, but the mechanism is not holistically applied, which is also reflected in the texts of its decisions. It seems that this circumstance does not allow to adequately protect freedom of conscience of both people and religious associations and should be subjected to reforms.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2012) Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 5 stat'i 16 Federal'nogo zakona "O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh" i punkta 5 stat'i 19 Zakona Respubliki Tatarstan "O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh" v svyazi s zhaloboy Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Konstitutsionnogo suda RF ot 05.12.2012 № 30-P [In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Clause 5 of Article 16 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" and Paragraph 5 of Article 19 of the Law of the Republic of Tatarstan "On Freedom of Conscience and Religious Associations" in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 30-P of 05 December 2012]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51.
2. Russian Federation. (1999) Po delu o proverke konstitutsionnosti abtazev tret'ego i chetvertogo punkta 3 stat'i 27 Federal'nogo zakona ot 26 sentyabrya 1997 goda "O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh" v svyazi s zhalobami Religioznogo obshchestva Svideteley Iegovy v gorode Yaroslavle i religioznogo ob'edineniya "Khristianskaya tserkov" Proslavleniya": postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.11.1999 № 16-P [In the case of the verification of the constitutionality of Paragraphs 3 and 4 of Clause 3 of Article 27 of the Federal Law of 26 September 1997 "On Freedom of Conscience and Religious Associations" in connection with complaints by the Religious Society of Jehovah's Witnesses in Yaroslavl and the religious association Christian Church of Glorification: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 23 November 1999]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51.
3. Cohen-Eliya, M. & Porat, I. (2011) Amerikanskiy metod vzveshivaniya interesov i nemetskiy test na proporsional'nost': istoricheskie komi [The American method of weighing interests and the German test of proportionality: Historical roots]. Translated from English. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3 (82).
4. Alexy, R. (2002) *A Theory of Constitutional Rights*. Oxford; New York: Oxford University Press.
5. Rivers, J. (2006) Proportionality and Variable Intensity of Review. *Cambridge Law Journal*. 65 (1).
6. Dolzhikov, A. V. (2013) "Pride and Prejudice": Proportionality of Blanket Constitutional Ban on the Right to Vote for Detained Persons in Russia. Judgment of the European Court of Human Rights of 4 July 2013. *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 4. (In Russian).
7. Matthias Klatt, M. & Meister, M. (2012) *The Structure of the Proportionality Test*. Oxford: Oxford University Press.
8. European Court of Human Rights. (2005) *Judgment of 10 November 2005. Leyla Şahin v. Turkey, Application no. 44774/98*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956>. (Accessed: 01.09.2019).
9. European Court of Human Rights. (2017) *Judgment of 10 January 2017. Osmanoglu and Kocabaş v. Switzerland, Application no. 29086/12*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170436>. (Accessed: 01.09.2019).
10. European Court of Human Rights. (2008) *Judgment of 4 December 2008. Dogru v. France, Application no. 27058/05*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90039>. (Accessed: 01.09.2019).
11. European Convention on Human Rights. (1999) *Judgment of 18 February 1999. Buscarini and Others v. San Marino, Application no. 24645/94*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58915>. (Accessed: 01.09.2019).
12. Cour Européenne Des Droits De l'Homme. (2017) *Affaire Genov c. Bulgarie, Requête no 40524/08*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-172133>. (Accessed: 01.09.2019).
13. European Court of Human Rights. (2014) *Judgment of 1 July 2014. S.A.S. v. France, Application no. 43835/11*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145466>. (Accessed: 01.09.2019).

14. European Court of Human Rights. (1989) *Judgment of 30 March 1989. Chappell v. United Kingdom, Application no. 10461/83*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57459>. (Accessed: 01.09.2019).
15. European Convention on Human Rights. (2017) *Judgment of 5 December 2017. Hamidović v. Bosnia and Herzegovina, Application no. 57792/15*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179219>. (Accessed: 01.09.2019).
16. European Convention on Human Rights. (1998) *Judgment of 24 February 1998. Larissis and Others v. Greece, Application no. 23372/94*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58139>. (Accessed: 01.09.2019).
17. Russian Federation. (2004) Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 3 stat'i 9 Federal'nogo zakona "O politicheskikh partiyakh" v svyazi s zaprosom Koptevskogo rayonnogo suda goroda Moskvy, zhalobami obshcherossiyskoy obshchestvennoy politicheskoy organizatsii "Pravoslav'naya partiya Rossii" i grazhdan I.V. Artemova i D.A. Savina": postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 15.12.2004 № 18-P [In the case of the verification of the constitutionality of Clause 3 of Article 9 of the Federal Law "On Political Parties" in connection with the request of the Koptevsky District Court of Moscow, complaints by the all-Russian public political organization Orthodox Party of Russia and citizens I.V. Artemov and D.A. Savin": Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of 15 December 2004]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 51.
18. Russian Federation. (2016) Po delu o proverke konstitutsionnosti polozeniy chasti 9 stat'i 3 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v podrazdely 4 i 5 razdela I chasti pervoy i stat'yu 1153 chasti tret'ey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zhaloboy grazhdanina E.V. Pototskogo": postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 15.02.2016 № 3-P [In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of Part 9 of Article 3 of the Federal Law "On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" in connection with a complaint of citizen E.V. Pototskiy": Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of 15 February 2016]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 8.
19. Troitskaya, A. (2015) Predely prav i absolutnyye prava: za ramkami printsipa proporsional'nosti? Teoreticheskie voprosy i praktika Konstitutsionnogo Suda RF [The limits of rights and absolute rights: beyond the principle of proportionality? Theoretical issues and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2 (105).

Received: 06 September 2019